

На правах рукописи

СОЛОДОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Новосибирск
2006

Диссертация выполнена в отделе социологии Института философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук

Официальные оппоненты: доктор социологических наук,
профессор Вавилина Надежда Дмитриевна

доктор социологических наук
Кирдина Светлана Георгиевна

доктор философских наук,
профессор Фигуровская Валентина Михайловна

Ведущая организация: Томский государственный университет,
кафедра социологии философского факультета

Защита состоится 24 ноября 2006 года в 14.30 на заседании диссертационного совета Д.003.001.03 при Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН по адресу: 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Автореферат разослан «20» октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат экономических наук, доцент

Г.П. Гвоздева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Опираясь на внешние проявления, российскую историю XX - начала XXI веков трудно определить как преемственную, ее можно сравнить с ломаной, пунктирной линией. Наиболее резкий излом (с тенденцией разрыва сознания, ценностных ориентаций, массовых экономических практик), разрушивший традиционные институты и жизненные уклады, произошел в начале прошлого столетия. Революция провела отчетливую грань, разделила историю на «до» и «после». Современное российское общество также характеризуется высокой скоростью и глубиной изменений. Минувшие десятилетия создали редкую ситуацию принципиального, но в то же время мирного социального разрыва. Кардинальные по сути, резкие по форме, сжатые и интенсивные по характеру эти изменения оказались значимыми и болезненными для большей части населения. Произошло второе за столетие общее, системное изменение социально-экономической ситуации, повлекшее за собой радикальные перемены в идеологической, экономической, политической сферах общества [Данилов, 1999; Заславская, 1997, 2003; Лапин, 2000, 2003; Майминас, 1999; Рывкина, 1994, 1998; Тихонова, 1998 и др.].

Структурные социальные трансформации порождают одновременные, в большей или меньшей степени целенаправленные и интенсивные изменения общественного сознания. Подобно тому как революционный поворот и попытка построения социализма в той или иной мере перекрыли официальные каналы транслирования дореволюционной культуры и тем более религиозных ценностей, сфокусировав основные усилия на формировании человека новой формации, так и в недавнее перестроечное время произошло официальное отречение от предшествующих социальных идеалов и внешнее, видимое разрушение базовой, единой для всех групп советского общества ценностной системы. Была поставлена задача выстраивания нового экономического мышления взрослого населения, формирования, условно говоря, «рыночного менталитета» подрастающего поколения. Однако даже наглядное и последовательное разрушение сложившихся социальных и экономических принципов и связей не означает аннулирования, полного отказа и независимости от предшествующей истории. Несмотря на социальные изменения, в том числе крупные, возможно наличие сквозных (явных или скрытых) социальных установок и представлений, частичное сохранение и воспроизводство которых служит условием поддержания единства общества, создает его мировоззренческую цельность во временном контексте.

Итак, в основе успешности социальных изменений лежат не только сегодняшние регулятивно-управленческие действия, но преимущественно объективные, долговременные факторы. Скорость, направление, глубина и результативность социальных перемен детерминированы исходными социокультурными условиями – своеобразными социокультурными стереотипами и предпочтениями, заложенными в траекторию потенциального развития общества. «Потенциал изменений и трансформаций не является чем-то случайным или внешним по отношению к культуре... Любая трансформация является результатом переплетения истории, структуры и культуры, соединяющихся в результате человеческой деятельности» [Айзенштадт, 1993, с. 208–209]. Знание отправной, в определенном смысле базовой, социокультурной составляющей, оценка степени ее сохранения и влияния на скорость и направление переходных процессов служит необходимой предпосылкой для обеспечения результативности как текущих, так и долговременных трансформаций. Анализ социальных изменений предполагает также поиск и выделение социокультурных механизмов, благодаря которым происходит отбор и институционализация основополагающих норм общества, имеющих практическое и символическое значение.

Однако подтверждение или опровержение данного утверждения требует дополнительного теоретического обоснования и эмпирической проверки, очерчивания границ и степени изменений/воспроизводства применительно хотя бы к одной, но конкретной социальной сфере. Данное обстоятельство в значительной степени определило актуальность предлагаемой работы и составляло одну из ее задач.

Таким образом, социальная актуальность диссертационного исследования определена необходимостью социокультурного осмысления современных социально-экономических трансформаций, в частности, важностью оценки характера и степени воспроизводства социально-экономических представлений дореволюционного российского общества, сформированных под влиянием христианства, в экономической культуре современного российского общества.

Степень разработанности темы. Содержательная многоаспектность выбранной темы обуславливает необходимость обращения к публикациям, выполненным в смежных научных направлениях, а также имеющим междисциплинарный характер.

К направлению фундаментального характера, описывающему и интерпретирующему социальные изменения/устойчивость с позиций разных научных подходов и оснований, относят теории социальных изменений. Общим для теорий социальных изменений является стремление к поиску базовых структур, обеспечивающих сохранение и воспроизводство об-

щества или, напротив, способствующих его изменению. Теории социальных изменений, как утверждает Р. Нисбет, не обладают принципиальными отличиями от такого «рода интеллектуальной деятельности, которую мы обычно называем «историей» [Будон, 1998, с. 8-9]. Признанный вклад в комплексное культурно-аналитическое изучение закономерностей развития социальной истории внесла школа «Анналов» (М. Блок, Ф. Бродель, Л. Февр). Классическими исследованиями, осмысляющими социальное развитие на основе цивилизационных концепций, являются работы Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглера. Выявлению причинно-следственных связей, обуславливающих социальное развитие и изменение с учетом культурно-цивилизационных особенностей, посвящены работы таких авторов, как А.С. Ахиезер, М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Б.С. Ерасов, С.Э. Крапивенский, А.И. Куприянов, К.Х. Момджян, А.И. Ракитов, А.Я. Флиер.

Теоретическое осмысление развития России в рамках институционального подхода предложено О.Э. Бессоновой и С.Г. Кирдиной. Ограничение потенциальных социальных изменений частичным воспроизводством предшествующих социокультурных практик подчеркивают В.А. Ачкасов, Г.А. Гольц, А.П. Назаретян, И.Г. Яковенко. Так, общим для дореволюционной и советской истории А.С. Ахиезер считает высокую степень государственной регуляции народного хозяйства, ориентацию на традиционалистские стереотипы общественного сознания. Автор отмечает историческую преемственность большевистской идеологии [Ахиезер, 1997]. Б.Н. Земцов, рассматривающий связь дореволюционной и советской ментальности, делает вывод о том, что к концу 20-х годов XX века российская цивилизация «оказалась фактически восстановленной большевиками (хотя и с другой надстройкой и под другими лозунгами)» [Земцов, 1994]. Опираясь на исследования зарубежных ученых о сходстве развития хозяйственных отношений в царской России и СССР, В.В. Дроздов отмечает: представление о том, что административно-командная система возникла только в результате реализации теоретических установок большевиков при отсутствии какой-либо преемственности по отношению к дореволюционному прошлому, является, по крайней мере, односторонним [Дроздов, 1994]. В.Г. Хорос считает, что «большевистский социализм стал продолжением и ужесточением имперской модели, реализовавшейся под иными идеологическими лозунгами» [Хорос, 1993].

Одной из сторон в изучении социальных изменений является анализ взаимосвязи изменений в неэкономической и экономической сферах общества. Проблема связи культуры и экономической деятельности анализировалась такими пионерами и классиками социальной и эконо-

мической мысли как П. Бурдьё, В. Зомбарт, К. Маркс, П.Б. Струве, Э. Фромм, М.И. Туган-Барановский, Й. Шумпетер, Ф. Энгельс. Рассмотрение экономической составляющей общества с позиций религиозно-метафизической концепции представлено в работах «русских светских богословов» Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова, В.С. Соловьева. Существование тесной связи между этическими ценностями и экономическим развитием обществ доказывали Э. Дюркгейм, М. Вебер. Влияние моральных побуждений на экономическую деятельность показано также в работах М. Бюшера, Г. Корацциари, А. Риха, А. Сена, А. Этциони. Среди современных отечественных авторов, изучающих связь культуры и экономики и обращающихся к особенностям российского менталитета и его влиянию на развитие экономики, – В.И. Верховин, Г.А. Гольц, Л.Г. Горичева, Ю. Ольсевич, О.А. Платонов, А.И. Пригожин, В.М. Розин, Н.Е. Тихонова, Л.И. Чинакова. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики, в частности, о восприятии богатства и отношении к потреблению, пишет Э. Афанасьев. Проблема связи вероисповедания и модернизации рассматривается И.В. Забаевым. Обращение к социально-культурным основам хозяйства и христианской этике труда присуще исследовательским интересам Т.Б. Коваль. Исторический экскурс, характеризующий ценность труда и его значимость в развитии российского предпринимательства, предпринят Н.Н. Зарубиной.

В данной работе анализ социальных изменений проведен на примере экономической культуры, отражающей в себе трансформации как материальной, так и нематериальной сфер. Методологические основания исследования закономерностей развития современного российского общества, в том числе через разработку и анализ понятия экономической культуры, предложены в работах Т.И. Заславской, З.И. Калугиной, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, которая особое внимание уделяет рассмотрению исторических корней трудностей сегодняшней экономики.

Понятие экономической культуры, будучи многосоставным, требует операционализации. В качестве индикаторов экономической культуры в работе были выделены отношение к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду. Традиция обращения к неэкономическому рассмотрению понятий собственности, богатства берет начало у классиков древнегреческой философии. Среди современных авторов, рассматривающих собственность в культурологическом ключе, отметим В.В. Бибикина, В.М. Межуева, К.И. Скловского. Критерии и определения богатства и бедности, причины их образования и их социальные оценки даны в работах Л.А. Гордона, М.К. Горшкова, Л.Г. Зубовой, В.А. Лисова, К. Муздыбаева, Н.М. Римашевской,

М.В. Розина, В.С. Тапилиной, Н.Е. Тихоновой, М. Тучек, Л.А. Хахулиной, Т.Ю. Черкашиной, Н.В. Черниной. Как социальное явление и социальная проблема бедность анализируется в работах Н.Д. Вавилиной. Частью российской экономической ментальности 90-х гг. считает бедность И.В. Розмаинский. Обзор результатов исследований бедности в западной и российской научной литературе проведен Н. Меннингом. К теме социальных неравенств обращаются А. Андреев, Д.А. Керимов, Ф.А. Хайек. Относительную обоснованность использования понятия социального равенства применительно к советскому обществу отмечают О.Э. Бессонова, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Р.В. Рывкина. Исследования связи между изменениями в доходах и изменением неравенства в их распределении проводятся Т.Ю. Богомоловой и В.С. Тапилиной. Историко-культурной традицией и одной из форм сглаживания социального неравенства является милосердие и помощь ближним. Как гуманистическую и общечеловеческую ценность рассматривает благотворительность М.П. Мчедлов. Теоретические и эмпирические вопросы, связанные с темой и местом труда, его оплатой, в том числе, в советском обществе, разрабатываются Л.А. Гордоном, А.Г. Здравомысловым, Е.А. Тюгашевым, Л.Б. Четырковой, Н.Г. Шамшуриной, В.А. Ядовым. О трудовых ценностях современного российского общества пишут В.С. Магун, Ж.Т. Тощенко.

Изучению ценностей молодежи, выбранной нами в качестве эмпирического объекта, посвящены многолетние исследования Л.Г. Борисовой, Н.Д. Вавилиной, Д.Л. Константиновского, З.В. Куприяновой, В.Т. Лисовского, В.С. Магуна, Е.Л. Омельченко, С.Н. Першуткина, Б.А. Ручкина, В.С. Собкина, И.И. Харченко, Г.А. Чередниченко, В.И. Чупрова, В.Н. Шубкина, И.И. Шурыгиной.

Наряду с большим числом изысканий названных и не упомянутых исследователей, в разной степени затрагивающих связь социальных изменений с социокультурными характеристиками общества, вопросы системного видения экономической культуры как социокультурного продукта остаются недостаточно разработанными. Автору не удалось найти работы, посвященные содержательному социологическому анализу христианских представлений, относящихся к социально-экономической сфере жизни общества и их параллельной фиксации в экономической культуре современного российского общества. В значительной степени это обусловлено тем, что до недавнего времени религии как фактору и элементу общественного сознания и культуры советского народа уделялось незначительное внимание. Малоизученными, требующими дополнительного рассмотрения оказались вопросы, связанные с оценкой степени воспроизводства конкретных элементов экономической культу-

ры, рассмотрением воспроизводства экономической культуры как одного из проявлений и показателей преемственности общественного сознания в целом. В связи с этим обращение к изучению перечисленных аспектов представляется логичным и необходимым.

Итак, **научная актуальность** исследования определяется теоретической неразработанностью и эмпирической неизученностью проблемы воспроизводства традиционных российских представлений, сформированных под влиянием христианства, в экономической культуре современного общества. **Научная проблема** – недостаточные выделенность и изученность основных исторически сложившихся социально-экономических положений христианства – традиционного вероисповедания преобладающей части населения российского общества – оценка степени и характера их воспроизводства в современной экономической культуре.

Изучение степени воспроизводства глубинных представлений, сформированных религиозной культурой дореволюционного российского общества, в экономической культуре современной молодежи проводилось с двух позиций – теоретической и конкретно-социологической. Срез экономической культуры дореволюционного общества получен на основе изучения письменных источников: работ социальных философов, богословов, публикаций в специализированных христианских изданиях, свидетельств отдельных представителей того времени, публицистических и изданных фольклорных материалов. В основе анализа современной экономической культуры лежат результаты эмпирических исследований, опирающихся на теоретические разработки данного понятия [Заславская, 1991, 1997; Рывкина, 1994, 1998]. Сопоставление теоретического и эмпирического пластов экономической культуры выбранных временных периодов опирается на положение о связи общественного и индивидуального сознания и представляется правомерным и обоснованным. Дореволюционное российское общество было обществом традиционного типа, что предполагает высокий уровень внешней детерминированности индивидуального сознания доминирующими в обществе ценностями [Дюркгейм, 1998; Вебер, 1990]. Ввиду ограниченного числа социализирующих институтов и их однонаправленного воздействия происходит органичное, непротиворечивое выстраивание общественного и индивидуального восприятия. В своих действиях и оценках человек выступает не как автономный и самостоятельный субъект, а как часть некоего коллективного субъекта (сообщества). Его представления в значительной степени носят извне задаваемый коллективный характер. Более того, отличия, выделенность индивидуальных установок, их противопоставление общественным не поощрялись, рассматривались как

проявления одного из грехов – гордыни. Иначе говоря, применительно к традиционным обществам можно говорить о максимальном и массовом, в определенном смысле, тотальном уровне совпадения индивидуальных и общественных ценностей, установок, сознания в целом. В обществах данного типа одним из основных социальных институтов, участвующих в формировании общественного сознания, была религия и связанная с нею сеть организаций. Церковь выступала важнейшим организатором нравственной составляющей, была основным источником и транслятором ценностей, которые становились доминирующими и воспринимались как обладающие абсолютным авторитетом для всех членов общества. Религиозная причастность и разделение религиозных принципов являлись необходимыми условиями для приобретения «благовидной» личностной идентичности и устойчивого положения, что, в конечном итоге, являлось одним из обстоятельств, обеспечивающих физическое выживание. Выполняя регулятивную функцию, религия охватывала нормы, касающиеся не только религиозного культа, но многих других сфер общественной жизни, накоплен огромный материал, демонстрирующий синкретический характер всей сферы религиозных представлений общества [Ахиезер, 1997, 1994; Герасимов, 1994; Игнатъев, 1991; Кузьмин, 1997; Хорос, 1993; Яковенко, 1994]. Таким образом, концептуальные постулаты и практические религиозные рекомендации христианства как официально и реально превалирующей идеологии находили свое проявление в социально-хозяйственной жизни дореволюционного общества, а именно, в отношении к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду. Предполагается, что названные социально-экономические представления имеют тенденцию к устойчивому воспроизводству и могут обнаруживаться в социально-экономических установках современной молодежи.

Объект исследования – социально-экономические представления современной российской молодежи.

В качестве непосредственного эмпирического объекта исследования выступила учащаяся молодежь, а именно молодые люди в возрасте 15–19 лет, обучающиеся в старших классах дневных и вечерних общеобразовательных школ, в профессиональных училищах, средних специальных учебных заведениях, на младших курсах высших учебных заведений Новосибирской области. Выделенный эмпирический объект репрезентирует учащуюся молодежь как социально-демографическую группу, поскольку в нем представлены все типичные образовательные включения, характерные для данного возраста.

Предмет исследования – проявления социально-экономических представлений христианства в экономической культуре современной российской учащейся молодежи.

Подростки середины 1990-х – начала 2000-х годов – благодатный исследовательский объект. В результате глобальных социальных трансформаций наиболее интенсивное формирование их базовой системы ценностей проходило в «смутное» время. Это продукт переходного периода – уже не советская молодежь, но еще и не рыночная. Данное обстоятельство методологически обуславливает выбор молодежи в качестве группы, позволяющей выявлять наличие или, напротив, отсутствие глубинных императивов, связанных с экономической культурой. Эмпирическое изучение отношения современных подростков к бедности, богатству, собственности, социальному неравенству, милостыне и труду может стать одним из исходных критериев, позволяющих оценить глубину разрыва или, напротив, преемственности традиционных и современных социально-экономических ценностей, в свою очередь входящих в индикаторный ряд общественного сознания. Обращение к молодежи в значительной степени связано и с тем, что затраты и усилия, связанные с ее социализацией, приобретают характер долговременных инвестиций; она является «перспективным человеческим капиталом», от качеств которого зависит конкурентоспособность общественной системы. Особенностью разрабатываемого эмпирического подхода является преимущественное рассмотрение учащихся не как адаптирующихся в новых экономических условиях, но как социализирующихся в принципиально иной социальной реальности, нежели их родители. Вместе с тем необходимо отметить, что учащаяся молодежь находится под многолетним и постоянным воздействием преподавательского корпуса разных типов учебных заведений, который, в свою очередь, в массе своей был сформирован в советское время и вольно или невольно, в большей или меньшей степени поддерживает и транслирует ценности того времени. Целесообразность изучения отношения учащихся к богатству и бедности отчасти связана с периодически встречающимся сознательным воспитанием в подрастающем поколении заведомо негативного отношения к богатству и богатым и, напротив, отождествления бедности и бедных с честностью, порядочностью, добротой.

Вопрос о распространении полученных эмпирических выводов на другие возрастные группы на сегодня остается открытым. Однако это не означает, что разработанная методика не может быть продуктивно применена к другим возрастным группам.

Цель исследования – выявление социокультурной преемственности экономической культуры российского общества – проведение параллель-

лей, нахождение совпадений между ключевыми элементами дореволюционной и современной экономической культуры.

Достижение поставленной цели предполагало постановку и решение ряда задач:

Теоретико-методологические :

1. Разработать целостное теоретическое представление об экономической культуре как производной от традиционных религиозных взглядов.

2. Выделить наиболее значимые положения христианства, связанные с отношением к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду. Раскрыть их содержание как конструкторов экономической культуры дореволюционного общества и скрытых детерминант экономической культуры современной молодежи.

3. Систематизировать и дополнить социокультурные и природно-климатические предпосылки, оказавшие влияние на формирование хозяйственных установок и представлений, характерных для России.

Методико-эмпирические :

1. Спроецировать теоретическое представление об экономической культуре как производной от традиционных религиозных взглядов на эмпирический анализ экономической культуры современного российского общества. Разработать методику изучения отношения молодежи к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду как социально-нравственным категориям российского общества.

2. Оценить уровень и характер воспроизводства экономической культуры – степень совпадения социально-экономических представлений подростков с базовыми положениями дореволюционной экономической культуры, сформированной христианским мировоззрением.

3. Выявить основные закономерности трансформации и/или самовоспроизводства экономической культуры.

4. Показать статистическую значимость влияния религиозной самоидентификации на выделенные компоненты экономической культуры учащейся молодежи.

Сосредоточение исследовательских усилий на анализе экономической культуры дореволюционного и современного периодов не означает игнорирования значимой роли ценностей и установок советского времени. Не введение в анализ отношения к выбранным элементам экономической культуры в советское время связано с несколькими основными причинами: необходимостью их дифференцированного рассмотрения на разных этапах построения социализма (военный коммунизм, новая экономическая политика, коллективизация, переход к административ-

но-командной экономике), определенной сложностью беспристрастного анализа. В работе не обосновывается и не опровергается смысловая противоположность выделенных элементов экономической культуры до-революционного и советского периодов. Отмечая ограниченные возможности воспроизводства религиозных ценностей в советское время, автор полагает, что принципиально и содержательно важным для целей данной работы является само по себе эмпирическое выявление и статистическое доказательство наличия сквозных представлений, сохраняющихся несмотря на различную степень благоприятствования внешних социальных условий для их воспроизводства.

Исследование опирается на широкое использование теологических текстов. Однако в нем никоим образом не ставилось задачи новой религиозной интерпретации отношения к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду, рассмотрения и оценки религиозных взглядов с теологических позиций. Это прерогатива богословия, что не является научной областью данного исследования. Акцент был сделан на социальные и экономические последствия распространения христианского мировоззрения и его влияния на социально-экономические представления, повседневную хозяйственную деятельность российского общества. Вместе с тем, обращение в работе, наряду с другими, к мало известным источникам позволяет дать более объемную картину влияния социокультурных факторов на формирование современной экономической культуры, что, в свою очередь, подчинено выработке и доказательству предлагаемой концепции. Добавим, что к проблеме связи христианства и экономической культуры автор пытался подойти в максимальной степени с объективных, непредвзятых исследовательских позиций. Речь не идет о прямой и непосредственной религиозной мотивации экономического поведения современной молодежи, для того, чтобы говорить об этом в массовом масштабе, нет никаких реальных оснований – смысл в глубинной межпоколенческой трансляции социально-экономических ценностей и практик, латентном воспроизводстве определенных пластов общественного сознания.

Необходимо остановиться еще на одном важном аспекте. Так как анализ социально-экономических положений опирался на Книги Ветхого и Нового завета, работы христианских писателей первых веков и отечественных дореволюционных авторов, использовавших преимущественно термин «христианство», то в данной работе эта традиция продолжается. Особенности других, помимо православия, направлений христианства в работе не рассматриваются.

Теоретические и методологические основы исследования. В исходные методологические принципы положена идея о нераздельности культурной, религиозной и экономической составляющих общества. Как наиболее адекватный и продуктивный способ теоретического обоснования социокультурной детерминированности экономической культуры было выбрано частное проявление общенаучного системного видения, а именно социокультурный подход, рассматривающий общество, культуру и личность как «неразрывную триаду» (П. Сорокин). Специфика исследования обусловила использование сравнительно-исторического метода.

Общетеоретическую и методологическую основу диссертации составили труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению социального развития. Это, во-первых, работы М. Вебера (связь содержания культуры в ее историческом развитии с религиозными мотивами ¹), Т. Парсонса (роль ценностей и норм социальной системы в «воспроизводстве образца» ²), Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной (обусловленность экономической культуры историческим прошлым ³). Вторым базовым основанием диссертационной работы стали исследования известных богословов, социальных и религиозных философов С.Н. Булгакова, А.И. Ильина, В.В. Розанова, С.Л. Франка, В.Ф. Эрна, А. Гарнака, Ш. Матьюса, дореволюционных и современных социальных историков и экономистов М.Ф. Владимирского-Буданова, М.В. Довнар-Запольского, В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского. Принципиально весомой теоретической основой исследования и конкретным историческим материалом послужили идеи и положения, изложенные в статьях христианских периодических изданий середины XIX века.

В своей работе автор непосредственно и в значительной степени опирался на принципы исследования, разрабатываемые Новосибирской экономико-социологической школой (Н.М. Арсентьева, В.А. Артемов, О.Э. Бессонова, Т.И. Богомоллова, Л.Г. Борисова, Ф.М. Бородкин, Г.П. Гвоздева, В.И. Герчиков, Е.Е. Горяченко, З.И. Калугина, С.Г. Кирдина, Л.В. Корель, А.Р. Михеева, С.В. Соболева, В.С. Тапилина, И.И. Харченко) и этносоциальным направлением Института философии и права СО РАН (А.М. Аблажей, М.А. Абрамова, В.И. Бойко, Г.С. Гончарова, С.Н. Еремин, Е.А. Ерохина, Н.В. Исакова, В.Г. Костюк, О.В. Нечипоренко, Ю.В. Попков, И.В. Удалова, Д.В. Ушаков, В.С. Шмаков).

¹ Макс Вебер и методология истории (Протестантская этика). К XVI Международному конгрессу исторических наук. Вып. 1-М. Штутгарт, 1985. С. 98.

² Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 15-18.

³ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. С.101-105.

Информационной базой исследования послужили результаты многолетних исследований социально-экономических представлений современной учащейся молодежи, проведенных в разных типах учебных заведений и поселений Новосибирской области. В 1995, 1997, 1999, 2000 и 2005 годах, было опрошено соответственно: 990, 971, 1587, 2220 и 415 старшеклассников средних школ Новосибирской области. В 2002 г. проведен опрос 4600 учащихся дневных и вечерних общеобразовательных школ, профессиональных училищ, средних специальных учебных заведений Новосибирска и Новосибирской области. В 2003 г. опрошено 3650 студентов высших учебных заведений дневной и заочной формы обучения в Новосибирске и Новосибирской области.

Исследования 1999, 2000, 2002 годов проводились под руководством доктора социологических наук Борисовой Людмилы Глебовны и при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Основные методы исследования и анализа данных:

Исследование проведено в форме историко-социологического сопоставления, выстроенного в двух плоскостях: исторической (вертикальный срез) и конкретно-социологической (горизонтальный срез). Данное обстоятельство обусловило необходимость проведения:

1. Структурирования и анализа социально-экономических положений, представленных в социально-философской, богословской, исторической литературе и связанных с отношением к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду.

2. Анкетных опросов учащихся старших классов дневных и вечерних средних общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ, студентов средних специальных и высших учебных заведений. Использованный во всех исследованиях инструментарий дополнялся и корректировался, однако сохранял сопоставимое ядро для изучения и оценки динамики происходящих изменений.

3. Минисочинений, структурированных и неструктурированных интервью с учащимися разных типов учебных заведений Новосибирской области.

Анализ количественных данных проводился с помощью пакета программ по обработке и анализу социологических данных (SPSS). Для оценки связи переменных использовались методы математической статистики, в том числе многомерный статистический анализ данных.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующими положениями:

1. Выявлено одно из социокультурных оснований, детерминирующее отношение к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду. В качестве стержневой конструкции,

связывающей и объединяющей экономическую культуру дореволюционного и современного российского общества, представлены социально-экономические ценности, привнесенные христианством.

2. Выделены, раскрыты, структурированы и интерпретированы с позиций функционального анализа ключевые положения христианства, связанные с такими элементами экономической культуры как отношение к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду.

3. Теоретически и эмпирически обосновано – экономическая культура современной российской учащейся молодежи как комплекс ценностных предпочтений является социокультурным продуктом, «зависимой переменной», отражающей характер доминирующих религиозных верований. Предложенное теоретико-эмпирическое представление дополняет социальный механизм воспроизводства экономической культуры, являющейся одним из пластов общественного сознания и регулятором социальных изменений.

4. Теоретически определено и обосновано понятие самовоспроизводства экономической культуры. Самовоспроизводство экономической культуры трактуется как часть механизма воспроизводства, включающая, в первую очередь, передачу ценностной значимости отдельных компонентов экономической культуры.

5. Систематизированы и дополнены специфические религиозные, социокультурные и природно-климатические предпосылки, способствовавшие формированию хозяйственных установок и представлений, характерных для России.

6. На основе апробации теоретической концепции в эмпирических исследованиях показана высокая степень воспроизводства рассматриваемых элементов экономической культуры. Использование статистических методов анализа позволило выделить три группы христианских представлений, характеризующихся разной степенью воспроизводства в экономической культуре современной учащейся молодежи. Продемонстрированы незначительные расхождения между рассматриваемыми социально-экономическими взглядами дореволюционного российского общества XIX – начала XX вв. и ценностями современных подростков.

7. Статистически подтверждено, что религиозная самоидентификация учащимися себя как верующих или неверующих в условиях современной российской действительности не носит характер критериального фактора, обуславливающего принципиальные отличия в экономической культуре молодежи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Экономическая культура современной российской учащейся молодежи является социокультурным продуктом, отражающим характер доминирующих религиозных верований. Отношение современной молодежи к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду в значительной степени совпадает с основными положениями христианства. Степень и характер социально-экономических трансформаций заведомо ограничены воспроизводимыми, имманентно присущими социокультурными компонентами экономической культуры.

2. К основным предпосылкам, обусловившим характер российской экономической культуры отнесены: а) конфессиональные особенности православия, в частности, идея «всеобщего равенства людей друг другу, как детей общего Отца», поощрение соучастия; б) интенсивный территориальный рост страны, следствием которого были низкие ценность земли и плотность заселения; в) природно-климатические условия, затруднявшие коллективное и тем более индивидуальное проведение сельскохозяйственных работ, являвшихся основным видом трудовой занятости большей части населения дореволюционной России; г) общинная организация сельских сообществ как одно из социальных следствий сложных природно-климатических условий; д) особенности развития института частной собственности, обусловленные задачей создания единого российского государства и достаточностью свободных земель.

3. Значимость и место выделенных элементов экономической культуры не претерпели кардинальных изменений и остаются относительно постоянными, стабильными. Их сохранение и воспроизводство в качественно иных, нежели дореволюционное время социальных условиях, не позволяют говорить о радикальном пересмотре концептуальных оснований российской экономической культуры, напротив, дают основания отмечать наличие «сквозных» форм общественного сознания, обусловленных не индивидуальными решениями отдельных субъектов, а надындивидуальными законами развития общественных представлений.

4. Отношение современной учащейся молодежи к христианским положениям о собственности, богатстве, бедности, социальном неравенстве, милостыне и труде, по преимуществу, является результатом не личной веры или неверия, но следствием принятия ценностей, присущих светской российской культуре в целом. Характер и степень воспроизводства выделенных и анализируемых в работе социально-экономических представлений и установок, в значительной мере основанных на христианских ценностях, вне зависимости от самоидентификации опрашиваемыми себя как верующих или неверующих дает основание говорить об их интернализированности и включенности в массовое

общественное сознание. Самоидентификация молодежью себя как верующей или неверующей существует практически отдельно от непосредственного взаимодействия с церковными институтами и религиозной идеологией и является скорее проявлением мировоззренческой позиции и культурной принадлежности.

5. Механизм воспроизводства экономической культуры не обязательно подразумевает и обеспечивает одинаковый уровень преемственности всех элементов экономической культуры. Анализируемые положения христианства характеризуются разной степенью воспроизводства в социально-экономических представлениях современной молодежи. Среди «сквозных», разделяемых опрошенными в наибольшей степени, такие как: 1) Понятие собственности подразумевает ее неприкосновенность. Любой ущерб должен быть компенсирован, а виновный – наказан. Наличие собственности обусловлено социально-экономической необходимостью, является условием упорядочения социально-хозяйственной жизни общества, способом сохранения социального порядка. Отказ от собственности не является обязательным. 2) Бедность и богатство как определенные имущественные состояния человека не являются критериями богоугодности, не могут служить мерилami нравственности, сами по себе они не делают человека лучше или хуже. Долг каждого человека смотреть на других как на равных себе. 3) Среди основ социального неравенства – личностная неодинаковость людей. Признание и легитимация самого факта личностной разности людей. 4) Человек должен способствовать смягчению физических, психологических и материальных бедствий других людей. Нельзя ссылаться на множество нуждающихся людей, чтобы уклоняться от помощи. Невозможность помочь всем бедным не должна вести к решению не помогать никому. 5) Труд является всеобщим законом и условием бытия. Он признается необходимой составляющей жизни каждого человека, обязателен для всех людей, вне зависимости от имущественного и социального положения. Вместе с тем, труд не должен заполнять всю жизнь человека, ради увеличения доходов человек не должен работать в ущерб своему духовному развитию и отдыху.

Вторая группа положений христианства обозначена как «спорные» с точки зрения современной молодежи: 1) Подаяние милостыни – долг каждого человека. Благотворительность способствует сглаживанию социального неравенства, предупреждает социальные пороки, опасные для человека и дисфункциональные для общества. В индивидуальном плане благотворительность способствует очищению от грехов. Милостыня, помощь нуждающимся людям будут вознаграждены свыше, напротив, за отказ в помощи последует наказание. 2) Лениность и празд-

ность, избегание труда делают человека виновным перед людьми и Богом. Труд является соработничеством, проявлением совместного труда с Богом, способом его почитания и прославления, выполняет функцию предупреждения появления и развития человеческих пороков – недовольства, зависти, служит средством воспитания самодисциплины и самообладания.

Третью группу образовали положения христианства, не нашедшие поддержки в социально-экономических установках молодежи: 1) Основной причиной появления собственности являются не столько объективные экономические причины, сколько нравственное несовершенство человека, его эгоизм, недостаточная любовь к окружающим, противопоставление себя другим. Собственность мешает человеку стать свободным, а потому с ней нужно расставаться. 2) Необходимость трудиться – это наказание за грехопадение и нравственное разобщение с Богом.

Научно-практическая значимость исследования

Изучение социокультурных и религиозных оснований экономической культуры подчинено необходимости их учета при формировании социально-экономической политики. Предложенный подход позволяет более точно отслеживать и прогнозировать ход и социальные последствия экономических преобразований, делает возможной разработку механизма согласования исторически сложившихся представлений с современными реформами и потенциальной коррекции последних. Разработанная и апробированная методика может быть использована и рекомендована в качестве основы для мониторингового изучения степени и характера воспроизводства экономической культуры в различных группах населения и в разные временные периоды. Полученные теоретические и эмпирические результаты могут быть положены в основу формирования программ, реализуемых региональными и муниципальными органами государственной политики по делам молодежи, включены в учебные курсы, посвященные социокультурной детерминированности хозяйственной деятельности.

Апробация результатов

Основные теоретические положения и выводы исследования были представлены на следующих научных и научно-практических конференциях и семинарах: международных – XIV Мировой конгресс социологов (Канада, 1998); международный семинар «Социально-экономические проблемы развития общеобразовательной школы: источники финансирования, предпринимательство, местные власти» (Новосибирск, 1998); 4 конференция Европейской социологической ассоциации (Амстердам, 1999); 7 международной конгресс женщин (Тромсо, Норвегия, 1999);

IV Международная Кондратьевская конференция и IX Кондратьевские чтения (Москва, 2001); Международная научно-практическая конференция «Будущее молодежи России» (Москва, 2003); всероссийских - "Проблемы психолого-педагогического обеспечения образовательных программ" (Новосибирск, 1998); I Всероссийский социологический конгресс (Санкт-Петербург, 2000); «Качество образования: методология, теория, практика» (Новосибирск, 2004); «Образование – фактор духовного и социального развития общества» (Борисовские чтения) (Новосибирск, 2005); «Модернизация отечественного образования: сущность, проблемы, перспективы» (Новосибирск, 2005); «Конфессии народов Сибири в XVII- начале XX веков: развитие и взаимодействие» (Иркутск, 2005); межрегиональных и региональных - «Народонаселение Сибири в 3-м тысячелетии: проблемы семьи, женщин, детства» (Новосибирск, 2003); «Региональная научная конференция молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук» (Новосибирск, 2004); «Социальная агрессивность. Третьи Кузбасские философские чтения» (Кемерово, 2004); «Социальная политика реалии XXI века: региональный аспект» (Барнаул, 2002); областных - «Проблемы занятости молодежи Новосибирской области и пути их решения» (Новосибирск, 2000).

Положения и выводы диссертационной работы докладывались и обсуждались на заседаниях отдела социологии Института философии и права СО РАН, методологическом семинаре отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, кафедре истории, обществознания и экономики Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Материалы диссертационного исследования использовались в работе со слушателями НИПКиПРО, студентами кафедры общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета, учащимися Федеральной экспериментальной площадки – Центр образования «Пеликан».

Апробацией основных идей работы стала поддержка исследований Президиумом Сибирского отделения РАН и Российским гуманитарным фондом (индивидуальный проект: «Отношение к богатству, бедности, собственности и труду: исторический и современный аспекты» № 02-03-18200а; коллективные проекты «Учащаяся молодежь в экономическом пространстве: установки, поведение, отношение к богатству» № 99-03-19577а, № 00-03-18012).

По теме диссертационного исследования опубликовано 38 печатных работ, с общим авторским вкладом 52,1 п.л.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, 3 разделов, включивших 12 глав, заключения, списка использованной литературы и 2 приложений. Общий объем диссертации 308 страниц.

СТРУКТУРА РАБОТЫ, ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРЕДМЕТ ЗАЩИТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет, цель и задачи работы, формулируются научная новизна и основные положения диссертационного исследования.

В первом разделе «Экономическая культура – социокультурный подход» дается теоретическое обоснование социокультурной трактовки экономической культуры, описывается методологический аспект ее воспроизводства. Автор показывает, что использование социокультурного подхода представляется логичным, обеспечивающим изучение эволюции и перспектив развития экономической культуры с теоретических и эмпирических позиций.

В главе 1. «Общекультурные и религиозные основания экономической культуры: теоретическое обоснование» доказываемая целесообразность обращения к социокультурному подходу, несомненным достоинством которого является возможность рассмотрения экономических преобразований с позиций культурных традиций общества. К числу основных характеристик социокультурного подхода следует отнести возможность рассмотрения общества как цельного, единого, взаимозависимого, но несовпадающего в своих границах, пространства культуры и социального. Связь между личностью, обществом и культурой, по определению П. А. Сорокина являющихся «неразрывной триадой», достигается интернализацией индивидом культурных норм и императивов, принятых типов взаимодействия. Это служит одним из способов, обеспечивающих стабильность в сохранении культуры и общества. Одновременно индивид экстернализирует во внешнее социокультурное пространство усвоенные ценности и практики, которые, в свою очередь, могут приобретать индивидуальное преломление. Таким образом он участвует в развитии и конструировании социокультурных процессов. Подобная схема является одной из иллюстраций и свидетельств связи личности, общества и культуры, что обуславливает исследовательское внимание к индивиду, с одной стороны, как к носителю и пользователю культурных и социальных норм, с другой, не только как к интернализирующему, но и как к экстернализирующему субъекту.

Применительно к задачам данного исследования, а именно доказательству социокультурной детерминированности экономической культуры, использование социокультурного подхода предполагало принятие следующих положений: 1) молодые люди, обладающие определенным багажом экономической культуры, являются активными субъектами социальных взаимодействий, выстраивающими свои действия на основе и с учетом принятых в обществе ценностей и норм; 2) общество как совокупность индивидов, участвующих и взаимодействующих в социокультурных процессах и отношениях, обладает определенным набором показателей, характеризующих его экономическую культуру; 3) экономическая культура рассматривается как комплекс ценностей и норм, которые разделяют взаимодействующие индивиды и общество в целом. Социокультурный подход позволяет рассматривать экономическую культуру как синтез культурных, сугубо социальных и индивидуальных проявлений общественной жизни, при этом экономическая культура интерпретируется как производная от культуры в целом, которая, в свою очередь, в традиционном обществе в значительной степени зависит от господствующих религиозных верований. В дореволюционном российском обществе культура была неразрывно связана с религией как определенным мировоззренческим восприятием мира, явно или скрыто регулирующим жизненные стратегии и повседневные практики большинства членов общества. Анализ широкого круга исследований позволяет сделать вывод о том, что религия как одна из основных и древнейших систем верований и интерпретаций относится к ценностно- и культурообразующим факторам. Религиозные положения формируют и поддерживают нормы поведения, которым должен следовать человек, выступают в качестве духовной канвы, определяющей социальные практики. Вместе с тем заметим, что, несмотря на духовную и содержательную значимость религиозных взглядов, они не могут быть единственным элементом, обуславливающим ценности общества. В разные исторические периоды степень и характер влияния религии на культурную и социальную жизнь общества не одинаковы.

Интерпретация экономической культуры, разрабатываемая в данной работе, опирается преимущественно на исследования Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной. В соответствии с ними, экономическая культура определяется как долговременная, исторически сложившаяся, передаваемая из поколения в поколение устойчивая система представлений, установок, стандартов и образцов поведения индивидов и групп в сфере экономики. Это система ценностей и норм, реализуемых через повседневные поведенческие практики в хозяйственно-экономической жизни человека [Заславская, Рывкина, 1991; Рывкина, 1994].

Первый тезис, положенный в основу рассмотрения экономической культуры, состоит в том, что экономическая культура – это не только результат ситуативных изменений и реформ, происходящих на протяжении жизни одного поколения, но и следствие предшествующей многовековой истории, это продукт не скачка, но длительного развития. Хозяйственные принципы, экономическое поведение складываются в процессе долговременного формирования на основе национальной культуры, традиций, сложившихся в стране. 2). Экономическая культура выстраивается с учетом особых природных, территориально-климатических условий жизни общества. В соответствии с этим разнообразием, хозяйственные культуры также могут существенно различаться, что позволяет говорить об особенностях хозяйственного поведения. 3). Экономическая культура рассматривается как определенный фрагмент, часть общей культуры социума и человека, его сознания и поведения, связанного с экономическими интересами, потребностями, ценностными ориентациями и предпочтениями в экономической сфере. Само понятие «экономическая культура» акцентирует внимание на социально-культурной обусловленности экономической жизни. Традиционные коллективные представления и установки создают своеобразную матрицу, накладывают внутренние ограничения на принятие новых взглядов и ценностей, влияют на типы реальных и потенциальных изменений. 4). Длительно формируясь и являясь результатом влияния устойчивых факторов, экономическая культура обладает инерционностью, связанной со стремлением к сохранению, определенной консервации и трансляции духовного и практического опыта. Иначе говоря, в экономической культуре наблюдается тенденция, направленная на свое сохранение и воспроизводство: каждая последующая форма экономической культуры в большей или меньшей степени включает и сохраняет исторически предшествующие и на их основе «синтезирует» новые формы экономической культуры. 5). Будучи культурно-историческим продуктом, экономическая культура одновременно является результатом и отражением внешних социально-экономических условий, следовательно, формируется под каждодневным влиянием сопутствующего микроэкономического контекста. Иными словами, то, каким образом ведут себя люди, во многом обусловлено экономической системой, в которой они живут – установки, ценностные предпочтения тесно связаны с реальностью, в которой они возникают.

В работе выделено шесть компонентов и признаков экономической культуры, имеющих базовое значение: отношение к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду. Помимо чисто экономического наполнения эти понятия являются социо-

культурными категориями, включающими в себя глубокую духовно-религиозную подоплеку. Их можно рассматривать как составной элемент ментальности общества.

Во второй главе «Экономическая культура – воспроизводство и изменение» обосновывается механизм воспроизводства экономической культуры. Воспроизводство экономической культуры трактуется как часть социокультурного воспроизводства в целом, как проявление социокультурной регуляции общества, ставящей своей задачей достижение вполне конкретных и прагматичных целей. Сохранение и воссоздание ранее принятых норм и ценностей обеспечивается, в первую очередь, с помощью процесса социализации, включающего их освоение и интернализацию, что заведомо ограничивает потенциальный спектр повседневных практик. Механизм воспроизводства содержит функционирование таких институционализированных компонентов социальной жизни, как система верований, традиций, обычаев, обеспечивающих автоматическое повторение сложившихся типов поведения и носящие неререфлексируемый характер. Определенную роль играет структура языка, фольклорные источники, в частности сказки, отчетливо демонстрирующие различное отношение к представителям разным социальных групп. Однако для длительного и устойчивого воспроизводства определенного типа отношений, особенно на уровне крупных социальных групп, в которых рычаги личностного воздействия на индивида ограничены, необходимы дополнительные специализированные социальные образования, выполняющие регулирующие и контролирующие функции. В разных типах и на разных этапах развития общества возможно изменение значимости того или иного компонента, участвующего в процессе воспроизводства, уровня требований, предъявляемых к его исполнению, соответственно, и механизм воспроизводства экономической культуры будет приобретать свои особенности.

Опираясь на принципы ранее изложенного социокультурного подхода, к наиболее плодотворным способам теоретического отражения процесса воспроизводства экономической культуры можно отнести его рассмотрение в рамках системного видения. Системный подход принято относить к разряду супер-, макротеорий, при этом социокультурный и функциональный подходы являются частными, конкретно социологическими проявлениями и формами системного объяснения.

Обладающая определенным содержательным наполнением экономическая культура, единичным носителем которой служит индивид, одновременно является элементом культуры и общества в целом. В тоже время она не является простым образованием, напротив, сложена из ряда составляющих ее установок, практик. Иначе говоря, с одной

стороны, экономическая культура является частью более крупных социальных систем – культуры и общества, с другой – сама включает набор составляющих ее элементов, в том числе, отношение к собственности, бедности, богатству, социальному неравенству, милостыне и труду. Соответственно, смысловое содержание и значимость различных компонентов экономической культуры будут обусловлены культурными традициями и социальными ориентирами общества. Системное рассмотрение экономической культуры позволяет говорить, что формирование социально-экономических представлений и установок происходит не изолированно, но в практической связи и под влиянием культуры и социума в целом. Экономическая культура не является автономным, независимым образованием, она детерминирована влиянием иерархически более сложных и более вместительных систем – культуры и общества, которые определяют и ограничивают направление ее развития.

Далее в работе методологически обосновывается стремление экономической культуры к своему сохранению и повторению через хозяйственные нормы, традиции и ценностные представления новых поколений. Для этого вводится и обосновывается понятие самовоспроизводства экономической культуры. При интерпретации данного понятия автор исходил из более общего процесса – самоорганизации как свойства систем. Способность к самоорганизации присуща объектам и процессам самой различной природы. Один из основополагающих принципов самоорганизации открытых систем – стремление к непрерывной приспособляемости, совершенствованию поведения. Система делает все, чтобы сохранить себя. Исходя из этого, процесс самовоспроизводства – одна из форм сохранения и упорядочения системы. Поведенческие и ценностные предпочтения, сформированные в предшествующих поколениях, образуют своеобразное клише, оттиски которого сохраняются даже при сильных внешних социальных изменениях. Иными словами, экономическая культура, включающая базовые социально-экономические ценности, отличается высоким потенциалом самосохранения и тяготеет к продолжению своего существования – самовоспроизводству. С этой точки зрения, процесс самовоспроизводства экономической культуры может, а в дальнейшем и рассматривался как стремление системы, т.е. экономической культуры как таковой, к выживанию через упорядочение. Через процесс самовоспроизводства происходит трансляция хозяйственных норм и практик, достигается согласованность функционирования экономики во временном разрезе. Однако это не означает воспроизводства всех компонентов экономической культуры в равной мере.

Выделение процесса самовоспроизводства экономической культуры подчеркивает, что культура, в том числе экономическая, – достаточно консервативное, устойчивое во времени явление. В нашем контексте о самовоспроизводстве экономической культуры точнее говорить как о консервации места и роли тех или иных составляющих экономической культуры. Ценность и необходимость самовоспроизводства обусловлены тем, что культура, в том числе и экономическая, – это категории не одного поколения, но понятия, включающие и накапливающие результаты материального и духовного труда, прошедшие сквозь время. В наши планы не входило построение теории воспроизводства экономической культуры в строгом смысле слова. Основное внимание было уделено рассмотрению одной из составных частей данного процесса, а именно самовоспроизводству через христианство.

В третьей главе «Некоторые факторы, обусловившие особенности российской экономической культуры» рассмотрены обстоятельства, повлиявшие на характер российской экономической культуры. Среди важнейших факторов – конфессиональные особенности православия, в частности, идея всеобщего равенства перед Богом, "равенства людей друг другу как детей общего Отца", признание и поощрение соучастия. Другим условием, способствовавшим формированию особенностей российской экономической культуры, стал интенсивный территориальный рост страны и низкая плотность ее заселения. Необходимость постоянного хозяйственного освоения новых земель обесценивала землю как предмет вложения личного регулярного и кропотливого труда. Следующим фактором, рассмотренным в работе, стали природно-климатические условия. В силу менее благоприятных, чем в Западной Европе условий, крестьянский труд был более тяжелым и рискованным, принцип "каждый сам за себя" не обеспечивал выживаемости. Одним из социальных следствий природно-климатических условий стала общинная организация сельских сообществ, являвшаяся в дореволюционной России основой общественного и государственного устройства. Особенности развития института частной собственности – еще одно обстоятельство, оказавшее важное влияние на характер экономической культуры. Стоит заметить, что изначально вопрос о собственности возникает лишь при условии ограниченного ресурса и наличии спроса на этот ресурс. Во многих случаях одним из основных ресурсов, лежащих в основе собственности, является земля. Однако из-за постоянного территориального расширения земля в России долгое время не представляла такой ценности, как для западных государств. Формирование института земельной собственности, в первую очередь, было подчинено задаче создания единого российского государства, а преобладаю-

щей формой крестьянского аграрного землепользования было не полное владение, а пользование, уравнительный надел. Ни во времена крепостного права, ни после его отмены в массе своей земля не была полной собственностью того, кто на ней работал.

Второй раздел «Социальное учение и социальная доктрина христианства – взгляд на экономическую культуру» представляет собой социологический анализ работ социальных и религиозных философов, богословских текстов, публикаций российских христианских изданий XIX в., рассматривающих представленные ранее компоненты экономической культуры. Результатом данного анализа стало выделение, раскрытие и структурирование ключевых положений христианства, связанных с отношением к собственности, богатству, бедности, социальному неравенству, милостыне и труду. Важным компонентом работы стала их интерпретация с позиции функционального анализа.

В четвертой главе «Религия и церковь как участники и регуляторы социальной и хозяйственной жизни общества» отмечается несоответствие религиозных взглядов, показано, что христианство не всегда можно рассматривать как единое, непротиворечивое исторически целостное духовное учение. Церковные взгляды не оставались неизменными. Мир делался более открытым, взаимопроницаемым, соответственно, определенные трансформации претерпевали и религиозные представления, что, впрочем, не всегда воспринималось однозначно и одобрительно. Некоторое несоответствие во взглядах разных богословов связано с тем, что они могут придерживаться разных философских, социальных, политических направлений, наконец, просто жить в разное время. На протяжении истории социальное учение Церкви развивалось и изменялось. С.Н. Булгаков отмечал, что учения святых отцов, не следует понимать в буквальном смысле, "ведь св. отцы высказывались различно, применительно ко времени и месту. Суждения их имеют руководственное значение, но как пример, а не абсолютно. Ныне условия иные, чем раньше, при древней простоте первохристианской церкви"⁴.

Рассмотрение хозяйственных аспектов в христианстве носит этический, а не экономический характер. Обращаясь к вопросам собственности, богатства, бедности, милостыни, труда, церковная этика акцентирует внимание на их нравственном аспекте, т.е. анализирует их в рамках морального, а не экономического богословия.

В пятой главе «Христианское отношение к собственности» отмечается, что отношение к собственности – довольно дискуссионный пред-

⁴ Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Том 2. М.: Наука, 1999. С. 555.

мет христианского учения. Происхождение института собственности связывается преимущественно с причинами неэкономического характера, факторами, лежащими в сознании человека, в свою очередь обусловленными грехопадением и появлением страстей. В состоянии невинности человек не знал собственности. В основе собственности – эгоистическое начало и нравственное несовершенство человека, его недостаточная любовь к ближнему.

Главенствующим, неоспоримым и сквозным в христианском взгляде на собственность является отношение к ней как принадлежащей Богу – собственность рассматривается как временное достояние человека. Представление о Боге как едином и истинном Владыке принимается в качестве исходного и теми, кто говорит о совместимости веры и собственности, и теми, кто отрицает возможность такого совмещения. Являясь временным, частичным и не безусловным собственником своих благ, человек – скорее пользователь, распорядитель, в некотором смысле, – менеджер вверенных ему материальных ценностей.

На основе анализа богословских текстов в работе выделены функции и дисфункции наличия собственности. Значимым представляется рассмотрение собственности как необходимого условия упорядочения социально-хозяйственной жизни общества и сохранения социального порядка. Несмотря на то что право собственности не принадлежит к области благодатной христианской жизни и к нему не может быть прилагается предикат «священное», христианство признает собственность и выступает против незаконных посягательств на нее, предостерегает от ее противоправного отчуждения. Порицается, считается проявлением язычества и идолослужения привязанность к собственности. Идеальной, но практически слабо реализуемой формой владения является обобществление.

В шестой главе «Христианство – отношение к богатству и бедности» анализируются основные положения христианства, связанные с толкованием богатства и бедности. Христианское учение – и в этом нет разногласий между богословами – бесспорно отрицает первенство материального над духовным. Вместе с тем, в нем признается, что богатство создано во славу Творца. Отрицание сребролюбия и стяжательства не означает отрицания материальных благ как таковых. Разрушителен культ богатства, возведение его в смысл человеческой деятельности. Значимым фактором, важным способом обретения богатства является труд.

Христианство не отрицает, что бедность – состояние, имеющее много недостатков. Бедность рассматривается как "иго" и "незавидный жребий". Нищета давит на человека, создает ощущение ущерба

и виновности. Существенным недостатком бедности является то, что она может стать причиной социальных и индивидуальных пороков, девиаций. Четко осознается неравенство богатых и бедных перед людьми и обществом. Наряду с этим, толкование бедности не является сугубо негативным. Достоинством бедности является то, что она освобождает «от несносной и пагубной праздности, которая есть мать всех гибельных пороков». Вместе с тем, бедность не является гарантией добродетельности.

В работе показана относительность понятий богатства и бедности, которые рассматриваются прежде всего не с привычной нам экономической точки зрения, а преимущественно с мирозерцательных позиций. К основным критериям принадлежности к бедным или богатым в работе были отнесены: наличие или отсутствие добродетельных качеств, степень неудовлетворенности желаний, привязанность к имуществу и наличие страстей. Наряду с тем, что богатство и бедность расцениваются как дар или наказание, ниспосланные Богом, христианство не снимает личной ответственности человека за свои поступки, в том числе обстоятельства бедности или богатства.

Выделены основные функции (социальная благотворительность, помощь окружающим) и дисфункции богатства. Обладание богатством является нравственным испытанием и накладывает на человека дополнительную ответственность. Давая возможность не заботиться о хлебе насущном и не работать, оно служит "приманкой", способствует лени, "жизни изнеженной, рассеянной, бесполезной". Другой из наиболее существенных дисфункций является погружение в заботу о земных благах, надежда на богатство, видение в нем единственной опоры своей жизни. К дисфункциональным следствиям богатства отнесена также большая вероятность искушений и соблазнов. Богатство дает больше поводов к гордости, тщеславию, надменности.

Рассмотренный материал не позволяет говорить об однозначно негативном отношении к богатству и, соответственно, об исключительно положительном толковании бедности. Сами по себе они нравственно нейтральны, одинаково законны и не являются ни критериями нравственности или аморальности человека и тем более богоугодности, ни условиями спасения. Смысл состоит во внутреннем отношении к материальным благам. Осуждение или неосуждение богатства зависит от его происхождения и использования. Признается связь богатства с нечестностью, порочностью, однако бедность не рассматривается как эквивалент святости. Бедность и богатство осуждаются, если они служат причиной отдаления от духовной, религиозной жизни, стано-

влятся источником человеческих и социальных пороков. Порицается пристрастие к богатству, несвобода от него.

В седьмой главе «Христианский взгляд на социальное неравенство и милостыню» дается христианская интерпретация милостыни и социального неравенства, т.е. неравенства перед людьми. К основным положениям, связанным с социальным неравенством, было отнесено признание и легитимация самого факта различия людей. Христианство признает, что люди неодинаковы по своим физическим и интеллектуальным способностям, имеют разные личностные и духовные качества. Социальное неравенство – это, в том числе следствие неравных индивидуальных способностей и возможностей. В основе социального неравенства – изначальная неодинаковость людей, дарованная Творцом и воля, лежащая вне человеческой компетенции.

Христианство принимает не только различия между людьми, но и то, что человеческое общество иерархично. Оно легитимирует существующее социальное расслоение, социальную иерархию. Вражда и зависть к людям более богатым, занимающим более высокий социальный статус, рассматривается как несогласие, осуждение "премудрых промыслов судьбы". Социальное положение человека не является критерием избранности, залогом более благосклонного отношения Творца, в этом смысле все люди равны, равноценны.

К основным социальным функциям неравенства относят его необходимость для обеспечения слаженного функционирования общества, социальное расслоение лежит в основе общественного устройства. Обосновывается взаимосвязь и взаимодополнение разных слоев, в частности, богатых и бедных. Церковная психология противоположна обыденному восприятию. "В отношении богатых у Церкви такой обычай: они Ей служат. В отношении бедных: Она им служит. Бедные почитаются таким образом достойными помощи, богатые – достойными служения... Примечательно, что и вне пределов земли осуществляется этот закон Церкви: святые, отошедшие с земли, молятся за грешных людей, живущих на земле, и тем служат их спасению»⁵.

В христианском учении не отрицается возможность противоречий между людьми, неравными по своему социальному положению, и оно выступает за сглаживание неравенства. Способом нивелирования и предупреждения враждебности, имеющим в большей степени внутренний, личностный характер, является смирение, принятие своего положения как данности и Божьего промысла. Принципиальным, компенсирующим

⁵ Бедность и богатство. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Из книги «Листья древа» (опыт православного духоведения). Нью-Йорк, 1964 г. <http://blago.bogoslov.ru>

социальное, мирское неравенство служит равенство в высшем измерении – равенство перед Богом. Другим способом восполнения имущественного неравенства является благотворительность и милостыня. Помощь ближним является нравственным долгом любого христианина, а подача милостыни возведена в закон и является религиозно-нравственным требованием высшего порядка. Она носит характер обязанности по отношению к Богу, а не к людям. Отсутствие сострадания, отказ в помощи рассматривается как отдаленность от Бога.

К главным социальным функциям милостыни и благотворительности отнесены сглаживание социальных противоречий, предотвращение социального недовольства и преступности. Основной религиозной задачей милостыни является нравственное оздоровление общества. «Механизм», с помощью которого это достигается, содержит такие «инструменты», как награждение за милостыню и наказание за отказ в помощи ближнему.

В восьмой главе «Христианское отношение к труду: опыт социологического видения» анализируются взгляды христианства на труд. Среди святых отцов и религиозных философов, обращавшихся к оценке места труда в жизни человека, нет заметных разногласий. Отношение к труду как нравственной категории не вызывает споров и противоречивых толкований, подобных отношению к богатству и собственности. Труд рассматривается как органичный элемент человеческой жизни – заповедь о труде одна из важнейших. Признается его всеобщность и обязательность для всех людей без исключения на протяжении всей жизни. Требование труда носит непреложный характер, а труд является всеобщим законом.

К основным функциональным задачам труда отнесены его рассмотрение как соработничества, способа почитания и прославления Творца. Труд является необходимым условием и этическим оправданием человеческого существования, он выполняет функцию самообеспечения, дает возможность быть полезным другим людям. Значимым представляется рассмотрение труда как способа социального продвижения. Существенна его оценка как средства самообладания и предупреждения социальных недугов и разногласий, "врачества" от нового греха. Из толкования труда как следствия и наказания за грехопадение и нравственное разобщение с Богом вытекает его "педагогически-исправительная" задача. Однако в любом случае, труд носит подчиненный, служебный, а не первоосновной характер.

Третий раздел «Экономическая культура современной молодежи» содержит оценку степени и характера воспроизводства христианских представлений о собственности, богатстве, бедности, социальном не-

равенстве, милостыне и труде в экономической культуре современной молодежи. Задача проверки статистической значимости связи переменных обусловила использование методов математической статистики – отклонения наблюдаемой частоты от ожидаемой, коэффициентов хи-квадрат, тау-В Кендалла, тау-С Стюарта. Проведенный анализ полученных данных позволил сформировать три группы представлений христианства (сквозные, спорные, не нашедшие поддержки), характеризующиеся разной степенью воспроизводства в социально-экономических установках учащихся. Для дальнейшего и дополнительного изучения и обоснования связи дореволюционной и современной экономических культур в работе использовался кластерный анализ, позволяющий продолжить статистическую структуризацию полученных данных.

Необходимо сделать несколько содержательных замечаний. Как показали исследования, за последние десять лет произошло возрастание и, возможно, некоторая стабилизация доли молодежи, идентифицирующей себя как верующей. Однако говорить о глубоком проникновении религиозных институтов в повседневную жизнь подростков и соблюдении ими религиозных требований неправомерно. Определение себя как верующего существует практически отдельно от непосредственного взаимодействия с религиозной идеологией и участия в работе церковных институтов. Вместе с тем, это не исключает непрямого, опосредованного влияния, что в дальнейшем отчетливо проявилось в совпадении ценностных представлений подростков с христианскими воззрениями.

В девятой главе «Представления о богатстве, отражение христианских взглядов на собственность и богатство в установках современных подростков» показано – большинство опрошенных хотели бы стать богатыми, при этом предпочтительным способом достижения богатства является легитимный (66–72%). Анализ влияния типа поселения выявил, что по мере его укрупнения (село, малый город области, областной центр) происходит возрастание ориентации на достижение богатства с риском уголовного наказания. Одновременно наблюдается снижение негативного, презрительного отношения к богатым. Собранный материал позволяет говорить, что понятие богатства отождествляется преимущественно с личным, видимым достатком. Под богатством понимается не роскошь, а достойный, обеспеченный уровень жизни. Для большинства учащихся достижение богатства не является самоцелью, а служит средством решения других задач, которые, как правило, не выходят за пределы потребностей среднего класса. Прослеживается отождествление богатства и успешности. Вместе с тем, наблюдается определенная двойственность, парадоксальность между массо-

вым желанием стать богатыми и распространенностью негативного отношения к богатым людям.

Вне зависимости от веры в Бога подростки не видят оснований для отказа от частной собственности. Однозначно высказались за ее отмену только 2% опрошенных (здесь и далее количественные данные приводятся преимущественно по результатам исследования 2005 года). Среди основных причин существования института собственности - социально-экономическая подоплека, а не нравственное несовершенство человека. В значительной степени это характерно как для верующих, так и для неверующих молодых людей. Вместе с тем верующие чаще указывают на нематериальные истоки появления института собственности, что совпадает с христианским толкованием. Неприемлемой для большинства учащихся, и верующих, и неверующих, оказалась оценка собственности как препятствующей индивидуальной свободе человека. Это расхождение с христианским видением представляется одним из наиболее выраженных. Не поддержан тезис о необходимости раздачи собственности. Идея обобществления собственности как лучший принцип социального устройства получила двойственную оценку. Не встречая массовой поддержки, она не натолкнулась и на полное неприятие, при этом наличие веры проявилось в более выраженной поддержке этой идеи верующими учащимися. Укоренившимися в сознании молодежи можно считать принципы неприкосновенности собственности и наказания посягнувшего - полностью или отчасти с этим согласны 92% опрошенных. Вместе с тем, большее единство с этими христианскими постулатами проявилась среди верующих. Основным критерием принятия и легитимации собственности для подростков, как и в христианстве, служит способ ее приобретения. И в том, и в другом случае, правомерной, законной считается собственность, заработанная своим трудом.

Современные молодые люди, вне зависимости от веры в Бога, во многом солидарны с христианскими опасениями, относящимися к обладанию богатством. Более 80% опрошенных полностью или отчасти согласны с тем, что владение богатством способствует проявлению избыточных гордости и тщеславия, ведет к дополнительным искушениям и развитию социальных пороков. Христианские и молодежные мнения в той или иной мере совпадают (90%) и в оценке того, что одним из следствий обладания богатством является неумеренная привязанность к нему, ведущая к обеднению и ущемлению других сторон человеческой жизни. Меньшую степень поддержки получило положение о том, что богатый человек в своем богатстве видит единственную опору и надежду своей жизни (полностью или отчасти согласны 74%). Большинство учащихся не нашло принципиальных противоречий между обладанием богат-

ством и духовной составляющей человека и высказало несогласие с мнением, что богатство и духовность несовместимы. Подросткам не близка интерпретация богатства как дара или наказания, его оценка проводится преимущественно в иных плоскостях.

В десятой главе «Бедность: причины и представления. Отражение христианских взглядов на бедность в установках современной молодежи» показана комплексность видения учащимися основных причин бедности. Среди них не только внешние условия (неэффективная социально-экономическая политика государства, в том числе низкая оплата труда), но и личные качества и индивидуальные обстоятельства (нежелание работать, алкоголизм, старость, плохое здоровье и т.д.). Статистически значимых различий в объяснении причин бедности между верующими и неверующими молодыми людьми не выявлено. Объективно высокая доля ответственности государства за экономические реформы не позволяет подросткам перекладывать всю вину за бедность на самих ее носителей. Это, наряду с другими причинами, обусловило значительное число несогласных с тем, что быть бедным сегодня стыдно (52%).

Еще раз подтвердилось отсутствие прямой ассоциации бедности и честности, добродетели; богатства и бездуховности. Нравственно-юридическая щепетильность бедных не рассматривается как основная причина их бедности. В соответствии с христианскими суждениями, молодые люди видят негативные, в том числе антисоциальные, последствия бедности. Трактовка бедности как дара или наказания не получила широкой поддержки. Преобладающим, так же как при оценке богатства, является нейтральное восприятие – как ни того и ни другого. Это характерно для обеих групп молодежи: и для верующих, и для неверующих. Современные подростки считают, что бедность или богатство не должны служить основными критериями оценки человека другими людьми, они выступают против толкования бедности и богатства и как критериев более благосклонного отношения к ним Бога, что совпадает с христианскими представлениями (не разделяют этот тезис только 5% учащихся).

В одиннадцатой главе «Социальное неравенство – отношение молодежи к социальному расслоению общества» продолжается проведение параллели между суждениями христианства и взглядами современных подростков. Исследование показывает, что в большей (неверующие) или меньшей (верующие) степени молодые люди принимают существование социальной дифференциации. Вместе с тем, предпочтительным типом социального устройства является социальное расслоение с общим высоким уровнем жизни, без бедности. Верующие молодые люди чаще

выступают против социального неравенства по уровню материального достатка, в большей степени поддерживают принцип равного распределения: «чтобы все жили одинаково». Вне зависимости от веры в Бога, но в соответствии с христианскими взглядами, социальное неравенство рассматривается, в том числе как следствие разных индивидуальных способностей людей.

Результаты анализа отношения к милостыне и благотворительности позволили говорить о высокой степени преемственности большинства представлений христианства. Молодые люди отчетливо поддерживают христианское требование о необходимости помогать нуждающимся. В соответствии с христианским видением, в массе своей подростки согласны с тем, что большое число нуждающихся людей не должно служить основанием для отказа в помощи: невозможность помочь всем бедным не должна вести к решению не помогать никому (полностью или отчасти согласны 88%). Вместе с тем заметным оказалось несогласие молодых людей с трактовкой милостыни как индивидуального долга каждого человека (37%), что противоречит христианским воззрениям. Скептически молодые люди отнеслись и к потенциалу благотворительной деятельности. Почти половина из них не разделяет мнение, что благотворительная деятельность способна выполнять такую социальную функцию как предупреждение социальных пороков и снижение уровня преступности. Не нашли полной поддержки суждения о том, что милостыня способствует очищению от грехов (не согласны 45%) и помощь нуждающимся будет вознаграждена свыше, напротив, за отказ в помощи последует наказание (66%). Доминирующей в принятии решения об оказании милостыни и благотворительности оказалась внутренняя потребность, в особенности это характерно для неверующих. В целом верующие учащиеся в большей мере, чем неверующие, настроены на оказание поддержки нуждающимся и рассмотрение милостыни как нравственного и религиозного долга человека.

В двенадцатой главе «Отражение христианских взглядов на труд в установках современных подростков» показана терминальная ценность труда. Статистические результаты и материалы, полученные с помощью качественных методов исследования, указывают на высокую значимость труда в ценностной структуре молодых людей. Обращение к влиянию типа поселения и типа учебного заведения выявило, что ценность труда выше среди сельской молодежи – по сравнению с городской; среди учащихся дневных школ – по сравнению с учащимися вечерних школ, а также учащимися профессионально-технических училищ и средних специальных учебных заведений; среди верующих -- по сравнению с неверующими. Преимущественной оценкой труда является его воспри-

ятие как неотъемлемой части своей жизни и жизни любого другого человека. Оценка труда как тяжелого бремени и жестокой необходимости не является типичной, особенно для верующих молодых людей. Однако для большинства опрошенных труд не стал и основной ценностью и предназначением человека. Преобладающим в отношении к труду, было его рассмотрение как возможности реализовать себя и как источника всех благ человека (по 54%).

Анализ степени совпадения христианских представлений о труде с установками и взглядами современной молодежи позволяет говорить об их близости и высоком уровне преемственности. В соответствии с богословскими воззрениями, труд воспринимается как обязательный для каждого человека вне зависимости от его имущественного и социального положения (полностью или частично согласны 94%). По мнению подростков, это необходимый элемент жизни для того, чтобы быть полезным другим людям. Также как и в христианстве, труд определяется как источник достатка, напротив, лень – как причина бедности. В согласии с православными взглядам, современные подростки не поддерживают погружения в труд в ущерб духовному развитию и отдыху (91%). В большей (верующие) или меньшей (неверующие) степени молодые люди признают воспитательную, "педагогически-исправительную" функцию труда, то, что труд является способом предупреждения социальных недугов и разногласий (84%). Спорными, с точки зрения особенно неверующих подростков, оказались христианские положения, связанные с виновностью нетрудящегося человека и его склонностью к зависти и другим порокам (68%). Не совсем приемлемым, что вполне объяснимо, стало отношение к труду как проявлению соработничества и способу прославления Бога. Особенно отчетливо это проявилось в оценках неверующих подростков. Выраженное несогласие (77%) как среди верующих, так и среди неверующих молодых людей получило восприятие труда как следствия грехопадения, что, безусловно, присутствует в христианстве, но не является определяющим.

В заключении работы представлены обобщенные теоретико-методологические выводы, раскрывающие социокультурную детерминированность социально-экономических представлений современной российской молодежи. Приведены конкретные, статистически подтвержденные результаты оценки степени и характера воспроизводства христианских положений в экономической культуре современных подростков.

Отталкиваясь от содержательного анализа социально-философских и богословских текстов, а также эмпирических результатов, полученных в ходе исследований, к основным проявлениям социокультурной детерминированности российской экономической культуры, как сформир-

рованной на основе христианских взглядов, следует отнести сохранение следующих принципов: 1) Принятие собственности, признание ее как одной из основ экономического развития. Собственность, заработанная своим трудом, не вызывает противодействия. 2) Отрицание стяжательства и сохранение этической составляющей. Ни в канонических богословских текстах, ни в установках современной молодежи, живущей в условиях интенсивного освоения рыночного мышления, идея «делания денег», достижения богатства как самостоятельной и главенствующей цели, ценности самой по себе не является определяющей, что, впрочем, не означает отрицания материальных благ как таковых. И в том и в другом случае, богатство рассматривается как средство для достижения других целей: в христианстве – преимущественно нематериальных, среди молодежи – в том числе нематериальных. 3) Восприятие индивидуальных различий людей как предпосылки социального неравенства. В основе социального неравенства, наряду с социально-экономическими причинами, лежит личностная «неодинаковость» людей. 4) Принятие индивидуальной и общественной помощи. В российском обществе нет принципиальных оснований для отторжения как исторически и религиозно не приемлемой, индивидуальной и государственной поддержки граждан, в том числе бедных. 5) Признание основополагающей роли труда. Современные молодые люди, в соответствии с христианскими воззрениями, соглашаются с хозяйственной необходимостью труда.

Предпринятая исследовательская попытка выявления единого теоретико-эмпирического каркаса, связывающего два исторических периода, две экономических культуры – дореволюционную и современную, позволяет в качестве основного сделать следующее заключение: экономическая культура российского общества в выделенных в работе содержательных и исторических рамках является сквозной, претерпевающей во времени лишь относительные изменения. Принципиальной смены типа экономического сознания не произошло. Установки дореволюционного российского общества зафиксированы в экономической культуре современного общества – молодые люди демонстрируют преемственность социально-экономических взглядов, свойственных христианскому мировоззрению.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Собственность, богатство, социальное неравенство в России: социокультурная детерминированность представлений. Новосибирск: «Параллель», 2006. 328 с. – 20,5 п.л.

2. Неформальный сектор: экономическое поведение детей и взрослых (соавторы - с Л.Г. Борисова, О.П. Фадеева, И.И. Харченко). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2001. 183 с. - 11,5/авторский вклад 3,6 п.л.

3. Негативное потребление среди подростков: социальные и личностные факторы риска и защиты (соавторы - Л.Г. Борисова, Г.Г. Князев, Е.Р. Слободская, И.И. Харченко). Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. 182 с. - 11,5/2,9 п.л.

Брошюры и препринты:

4. Выпускник 90-х: социальный портрет (соавторы - Л.Г. Борисова, В.Н. Турченко). Новосибирск-Бердск, 1998. 80 с. - 4,0 п.л.

5. Экономическое поведение выпускников средних школ в условиях становления рыночных отношений (соавторы - Л.Г. Борисова, И.И. Харченко). Новосибирск, 1999. 64 с. - 4,1 п.л.

Статьи:

6. The Dynamics of Professional Orientations of School-Leavers as a Criterion of Young People's Economic Consciousness /Russia Today: Sociological Outlook. Moscow. 1999. P. 116-122. 0,4 п.л.

7. Экономическая предприимчивость - новое социальное качество поколения (соавторы - Л.Г. Борисова, И.И. Харченко) // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2000. № 5. С. 53-69. - 1,0 п.л.

8. Профессиональные ориентации как индикатор экономического сознания молодежи / Проблемы развития научного и культурно-образовательного потенциала в Сибири (региональный аспект). Новосибирск. 2000. С. 226-233. - 0,5 п.л.

9. Подростки в рыночном пространстве (соавторы - Л.Г. Борисова, И.И. Харченко) // Философия образования для XXI века. 2001. № 1. С. 193-199. - 0,7 п.л.

10. Бедность и богатство в представлениях современных российских подростков (по материалам мини сочинений выпускников средних школ Новосибирской области) // Преподавание истории и обществознания в школе. Научно-теоретический и методический журнал. 2001. № 3. С. 7-12. - 0,6 п.л.

11. Формирование экономического сознания выпускников общеобразовательной школы (соавтор - И.И. Харченко) // СОЦИС. 2001. № 9. С.89-94. - 0,5 п.л.

12. Молодежь и рынок - принятие или отторжение? / Россия в глобальном контексте. Статьи российских социологов для участников русского форума на XV Всемирном конгрессе социологов в г. Брисбейне, Австралия. 7-13 июля 2002. М. 2002. С. 411-414. - 0,3 п.л.

13. Христианское отношение к труду: опыт социологического видения / Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. С. 176 – 186. – 0,6 п.л.

14. Социальное учение и социальная доктрина христианства – взгляд на собственность / Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. С. 143-156. – 0,7 п.л.

15. Богатство и бедность в сознании современных российских подростков / Общество и социология: новые реалии и новые идеи. Труды Первого Всероссийского социологического конгресса "Общество и социология: новые реалии и новые идеи" Санкт-Петербург, 27-30 сентября 2000 года. Санкт-Петербург, 2002. С. 205-214. – 0,7 п.л.

16. Социальные установки молодежи – индикатор возможных изменений общества / Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С.658-673. – 1,0 п.л.

17. Молодежь: рыночные представления и установки / Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития. Новосибирск, 2003. С. 229 – 237. – 0,9 п.л.

18. Экономическая культура – воспроизводство и изменение (методологический аспект) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и право. 2004. № 1. С. 66 –70. – 0,5 п.л.

19. Христианское отношение к труду: опыт социологического анализа // Преподавание истории и обществознания в школе. 2003. № 9. С. 9-15. – 0,6 п.л.

20. Влияние конфессиональной принадлежности на социальные установки подростков. Народонаселение Сибири в 3-м тысячелетии: проблемы семьи, женщин, детства. Межрегиональная научно-практическая конференция. Новосибирск. 25-26 ноября 2003 г. Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. С. 128-132. – 0,5 п.л.

21. Некоторые аспекты влияния конфессиональной принадлежности на ценностные установки подростков в сфере экономики // Философия образования. 2004. № 2 (10). С. 110-117. – 0,5 п.л.

22. Молодежное восприятие общественного расслоения / Образование – фактор духовного и социального развития общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Борисовские чтения). 6-8 мая 2005 год, г. Новосибирск. Новосибирск, 2005. С. 242-252. – 0,5 п.л.

23. Понятие экономической культуры. Отношение к труду как элемент экономической культуры учащейся молодежи / Модернизация

российского образования. Проблемы и перспективы дополнительного профессионального образования. Том XVI серии трудов, приложение к журналу "Философия образования". Новосибирск, 2005. С. 50 – 55. – 0,8 п.л.

24. Социальная работа, поддержка бедных и христианство: возможные истоки и параллели идеологического обеспечения в современной России / Основания и жизненные силы современной российской государственной идеологии: Материалы "круглого стола" социологов Сибири 28 июня 2005 г. и тематического сборника статей программы Всероссийского научного семинара Российской социологической ассоциации "Российская государственная идеология: какой ей быть?" / Отв. ред. С.И. Григорьев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 111-124. – 0,8 п.л.

25. Социальное неравенство: некоторые представления христианства / Материалы региональной конференции "Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX веков: развитие и взаимодействие". 3-4 февраля 2005 года. Иркутск, 2005. С. 176 – 183. – 0,5 п.л.

26. Некоторые воззрения христианства: собственность, богатство и бедность // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2006, № 1. С. 160-178. – 0,9 п.л.

27. Христианское отношение к собственности: историко-культурный взгляд // Вопросы культурологии. 2006, № 1. С. 37-42. – 0,8 п.л.

28. Представления христианства о социальном неравенстве и труде // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2006, № 6. С. 138-154. – 0,9 п.л.

29. Социальное неравенство: некоторые представления христианства http://mion.isu.ru/pub/sb-confess/2_15.html Православная церковь. 0,5 п.л.